

Завтракъ въ невѣсомой кухнѣ

Научно-фантастическій разсказъ Я. ПЕРЕЛЬМАНА.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ двухъ американцевъ и одного француза, совершившихъ въ пушечномъ ядрѣ полетъ вокругъ Луны, приобрѣли широкую извѣстность съ тѣхъ поръ, какъ покойный Жюль Вернъ разсказалъ о нихъ въ своихъ двухъ книгахъ «Путешествіе на Луну» и «Вокругъ Луны». Никакихъ другихъ сообщеній объ этомъ необыкновенномъ путешествіи до сихъ поръ въ печать не проникало. Между тѣмъ, есть всѣ основанія подозрѣвать, что авторъ упомянутыхъ сочиненій не располагалъ вполне надежными свѣдѣніями; повидимому, онъ пользовался записками лишь своего легкомысленнаго соотечественника, француза Мишеля Ардана, и совершенно не былъ знакомъ съ мемуарами двухъ другихъ участниковъ полета — м-ра Барбикена и м-ра Никколя. Этимъ только и можно объяснить тотъ поразительный пробѣлъ въ описаніи межпланетнаго путешествія, на который справедливо указывали нѣкоторые критики. Дѣйствительно, подробно разсказывая о жизни пассажировъ внутри летящаго ядра, Жюль Вернъ упустилъ изъ виду, что пассажиры, какъ и вообще предметы внутри каюты, во все время путешествія *были абсолютно невѣсомы!* Дѣло въ томъ, что, подчиняясь силѣ тяготѣнія, всѣ тѣла паднютъ съ одинаковой скоростью; сила земного притяженія должна была, слѣдовательно, сообщать всѣмъ предметамъ внутри ядра совершенно такое же ускореніе, какъ и самому ядру. А если такъ, то ни пассажиры, ни остальные тѣла въ ядрѣ не должны были давить на свои опоры; уроненный предметъ не могъ приближаться къ полу (т. е. *падать*), а продолжалъ висѣть въ воздухѣ; изъ опрокинутого сосуда не должна была выливаться жидкость и т. д. *)... Словомъ, внутренность ядра должна была на время полета превратиться въ маленькій *миръ, совершенно свободный отъ тяжести.*

Легко представить себѣ, до какой степени должны были измѣниться въ такомъ невѣсомомъ мірѣ самая обыкновенныя явленія. Если бы Жюль Вернъ былъ своевременно освѣдомленъ объ этомъ, онъ, конечно, украсилъ бы свое увлекательное сочиненіе еще нѣсколькими эффектными главами.

Позволяю себѣ предложить снисходительному вниманію читателей одну изъ такихъ недостающихъ главъ, именно— подробное описаніе приготовления завтрака внутри летящаго пушечнаго ядра.

— Друзья мои, вѣдь мы еще не завтракали,—заявилъ Мишель Арданъ своимъ товарищамъ по межпланетному путешествію. — Изъ того, что мы потеряли свой вѣсъ въ этомъ пушечномъ ядрѣ, вовсе не слѣдуетъ, что мы потеряли и аппетитъ. Я берусь устроить вамъ, господа, невѣсомый завтракъ, который, безъ сомнѣнія, будетъ состоять изъ самыхъ «легкихъ» блюдъ, когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ!

И, не дожидаясь отвѣта товарищей, французъ принялся застряпню. Завтракъ рѣшено было начать съ бульона изъ распущенныхъ въ теплой водѣ таблетокъ Либиха.

— Наша бутылъ съ водой притворяется пустой,—ворчалъ про себя Арданъ, возясь съ распушкой большой бутылки.— Не проведешь меня: я вѣдь знаю, отчего ты такая легкая.. Такъ, пробка вынута. Извольте же, госпожа бутылка, излить въ кастрюлю ваше невѣсомое содержимое!

Но сколько ни наклонялъ онъ бутылки, оттуда не выливалось ни капли.

*) Подробное обоснованіе этой мысли читатели могутъ найти въ моей книгѣ: «Защитительная физика».

— Не трудись, милый Арданъ, — явился ему на выручку Никколь.—Пойми, что въ нашемъ мірѣ безъ тяжести вода не можетъ *литься*. Ты долженъ вытолкать ее изъ бутылки, словно бы это былъ густой, тягучій сиропъ.

Арданъ ударилъ ладонью по дну опрокинутой бутылки. Тотчасъ же у горлышка раздулся совершенно круглый водяной шаръ, величиной съ кулакъ.

— Что это стало съ нашей водой? — изумился Арданъ.— Вотъ, признаюсь, совсѣмъ излишній сюрпризъ. Объясните, ученые друзья мои, откуда взялась эта водяная пилуля?

— Это капля, милый Арданъ, простая водяная капля. Въ мірѣ безъ тяжести капли могутъ быть какой угодно величины. Вѣдь только подъ вліяніемъ тяжести жидкости принимаютъ форму сосудовъ, льются въ видѣ струй и т. д. Здѣсь же тяжести нѣтъ, жидкость предоставлена своимъ внутреннимъ молекулярнымъ силамъ: понятно, что должна принять форму шара, какъ масло въ опытѣ Плато.

— Чортъ побери этого Плато! Я долженъ вскипятить воду для бульона, и, клянусь, никакія молекулярныя силы не останвятъ меня! — запальчиво воскликнулъ Арданъ.

Онъ яростно сталъ «выколачивать» воду въ висающую въ воздухѣ кастрюлю,—но, повидимому, все было въ заговорѣ противъ него. Большіе водяные шары, достигнувъ дна кастрюли, быстро расплзались по металлу. Этимъ дѣло не кончилось: вода растекалась по внутреннимъ стѣнкамъ, переходила на наружныя, растекалась по нимъ — и вскорѣ вся кастрюля оказалась облеченной водянымъ слоемъ. Кипятить воду въ такомъ видѣ не имѣло никакого смысла.

— Вотъ любопытный опытъ, доказывающій, какъ велика сила сцѣпленія, — объяснялъ взбѣшенному Ардану невозмутимый Никколь. — Ты не волнуйся: тутъ обыкновенное явленіе смачиванія жидкостями твердыхъ тѣлъ; только въ данномъ случаѣ тяжесть не мѣшаетъ этому явленію развиться съ полной силой.

— И очень жаль, что не мѣшаетъ! — возражалъ Арданъ.— Впрочемъ, смачиваніе здѣсь или что-либо другое, но мнѣ необходимо имѣть воду *внутри* кастрюли, а не *вокругъ* нея. Ни одинъ поваръ въ мірѣ не согласится варить бульонъ при подобныхъ условіяхъ!.

— Ты легко можешь воспрепятствовать смачиванію, если оно мѣшаетъ тебѣ,—успокоительно вставилъ м-ръ Барбикенъ.— Вспомни, что вода не смачиваетъ тѣлъ, покрытыхъ хотя бы самымъ тонкимъ слоемъ жира. Обмажь свою кастрюлю снаружи жиромъ, и ты удержишь воду внутри ея.

— Браво! Вотъ это я называю истинною ученостью! — обрадовался Арданъ.

Онъ принялъ къ свѣдѣнію всѣ указанія своихъ ученыхъ друзей и сталъ нагрѣвать воду на газовомъ пламени.

Однако, все складывалось наперекоръ желаніямъ Ардана. Газовая горѣлка и та закапризничала: погорѣвъ полминуты тусклымъ пламенемъ, она потухла по необъяснимой причинѣ. Арданъ возился вокругъ горѣлки, терпѣливо нянчился съ пламенемъ,—но хлопоты не приводили ни къ чему: пламя положительно отказывалось горѣть.

— Барбикенъ! Никколь! Да неужели нѣтъ средствъ заставить это проклятое пламя горѣть, какъ ему полагается по законамъ физики и по уставамъ газовыхъ компаній? — взывалъ къ друзьямъ обезкураженный французъ.

— Но, право, здѣсь нѣтъ ничего необычнаго и неожиданнаго, — объяснилъ Никколь.— Это пламя горитъ именно такъ, какъ полагается согласно физическимъ законамъ. А газовыя компаніи... я думаю, всѣ онѣ скоро разорились бы въ мірѣ безъ тяжести. При горѣніи, какъ ты знаешь, образуются углекислота, водяной паръ — словомъ, негорючіе газы; но обыкновенно эти продукты не остаются возлѣ самага пламени, а какъ болѣе теплые и, слѣдовательно, болѣе легкіе, поднимаются выше; на ихъ мѣсто притекаетъ чистый воздухъ.

Но у насъ здѣсь нѣтъ тяжести, и продукты горѣнія остаются на мѣстѣ своего возникновенія, окружаютъ пламя слоемъ негорючихъ газовъ и преграждаютъ доступъ свѣжему воздуху. Оттого-то пламя здѣсь такъ тускло горитъ и такъ быстро гаснетъ. Вѣдь дѣйствіе огнетушителей на томъ и основано, что пламя окружается негорючимъ газомъ!

— Значитъ, по твоему, Барбикенъ, если бы на землѣ не было тяжести, то не надо было бы и пожарныхъ командъ: всякій пожаръ потухалъ бы самъ собой, такъ сказать, задыхался бы въ собственномъ дыханіи?

— Совершенно вѣрно. А пока, чтобы помочь горю, зажги еще разъ горѣлку и давай обдувать пламя; намъ удастся, я надѣюсь, отогнать облегающіе его газы и заставить горѣлку горѣть «по земному».

Такъ и сдѣлали. Арданъ снова зажегъ горѣлку, а Никколь съ Барбикеномъ принялись поочередно обдувать и обмахивать пламя, чтобы непрерывно удалять отъ него продукты горѣнія.

— Вы, господа, въ нѣкоторомъ родѣ исполняете обязанности фабричной трубы, поддерживая тягу. Мнѣ очень жаль васъ, друзья мои, но если мы хотимъ имѣть горячій завтракъ, придется подчиниться велѣніямъ законовъ физики,— философствовалъ тѣмъ временемъ Арданъ.

Однако прошло четверть часа, полчаса, часъ—а вода въ кастрюлѣ и не думала кипѣть.

— Неужели пламя вмѣстѣ съ вѣсомъ потеряло и весь свой жаръ? — удивлялся Арданъ. — Я, кажется, никогда не дожусь, чтобы вода закипѣла.

— Дождешься, милый Арданъ, мы съ Никколемъ ручаемся за это. Но тебѣ придется вооружиться терпѣніемъ. Видишь ли: обыкновенная, *вѣсовая* вода нагревается быстро только потому, что въ ней происходитъ перемѣшиваніе слоевъ: нагрѣтые нижніе слои, какъ болѣе легкіе, поднимаются вверхъ, вмѣсто нихъ опускаются холодные верхніе—и въ результатѣ вся жидкость быстро принимаетъ высокую температуру. случилось ли тебѣ когда-нибудь нагревать воду не снизу, а сверху? Тогда перемѣшиванія слоевъ не происходитъ потому, что верхніе, нагрѣтые слои остаются на мѣстѣ. Теплопроводность же воды ничтожна: верхніе слои можно даже довести до кипѣнія, между тѣмъ какъ въ нижнихъ будутъ лежать куски нерастаявшаго льда. Въ нашемъ мірѣ безъ тя-

жести безразлично, откуда ни нагревать воду: круговорота въ кастрюлѣ возникнуть не можетъ, и вода должна нагреваться очень медленно.

Не легко было стряпать при такихъ условіяхъ. Арданъ былъ правъ, когда утверждалъ, что здѣсь спасоваль бы самый искусный поваръ. При жареніи бифштекса пришлось тоже не мало повозиться: надо было все время придерживать мясо вилкой: стоило только зазѣваться, и упругіе пары масла, образующіеся подъ бифштекомъ, выталкивали его съ кастрюли; недожаренный бифштекъ стремительно летѣлъ «вверхъ»,— если только можно употребить это выраженіе въ мірѣ, гдѣ не было ни «верха», ни «низа».

Странную картину представлялъ и самый обѣдъ въ этомъ мірѣ, лишенномъ тяжести. Друзья висѣли въ воздухѣ въ весьма разнообразныхъ позахъ, поминутно стукаясь головами. Пользоваться сидѣньями, конечно, не приходилось. Такія вещи, какъ стулья, диваны, скамьи—совершенно излишни въ мірѣ, лишенномъ тяжести. Въ сущности, и столъ былъ бы здѣсь ненуженъ, если бы не настойчивое желаніе Ардана завтракать непременно «за столомъ».

Трудно было сварить бульонъ, но еще труднѣе оказалось съѣсть его. Въ самомъ дѣлѣ, разлить невѣсомый бульонъ по чашкамъ никакъ не удавалось. Арданъ чуть не заплатилъ за такую попытку потерей трудовъ цѣлаго утра: забывъ, что бульонъ невѣсомъ, онъ ударилъ по дну перевернутой кастрюли, чтобы изгнать изъ нея упрямый бульонъ. Въ результатѣ изъ кастрюли вылетѣла огромная шарообразная капля—бульонъ въ сферической формѣ; Ардану понадобилось все искусство жонглера, чтобы вновь поймать и удержать въ кастрюлѣ бульонъ, сваренный съ такимъ трудомъ.

Попытка пользоваться ложками осталась безрезультатной: бульонъ смачивалъ ложки до самыхъ пальцевъ, висѣлъ на нихъ сплошной пеленой. Обмазали ложки жиромъ, чтобы предупредить смачиваніе,—но отъ этого дѣло не стало лучше: бульонъ превращался на ложкѣ въ шарикъ, и не было никакой возможности донести эту невѣсомую пилюлю до рта.

Въ концѣ концовъ, догадались сдѣлать трубки изъ бумаги и помощью ихъ пили бульонъ, всасывая его въ ротъ. Такимъ же образомъ приходилось нашимъ друзьямъ пить воду, вино и вообще всякія жидкости въ этомъ своеобразномъ мірѣ, лишенномъ тяжести.

НА РУССКОМЪ АВТОМОБИЛѢ ПО АФРИКѢ

Имѣя въ своемъ спортивномомъ формулярѣ не одну сотню верстъ, пройденныхъ на автомобилѣ, я, конечно, съ радостью согласился на предложенное мнѣ знаменитымъ русскимъ автомобилистомъ А. П. Нагелемъ совмѣстное участіе въ автомобильной поѣздкѣ по Африкѣ.

Въехали мы на той самой русской машинѣ, «дѣдушкѣ русскаго автомобиля», на которомъ, къ настоящему моменту, А. П. Нагель покрыто свыше 80.000 верстъ.

По африканскому проселку олизъ Туниса.

Замѣтка

Б. Н. НИКИФОРОВА
(Боба Вильсона).

Нашъ маршрутъ былъ слѣдующій: Петербургъ-Псковъ-Рига-Тильзитъ-Кенигсбергъ-Берлинъ-Франкфуртъ на Майнѣ-Мецъ-Парижъ-Лионъ-Авиньонъ-Ницца-Марсель-Перпиньянъ-Барселона-Валенція-Картагена—переправа въ Орано, нѣсколько поѣздокъ по его окрестностямъ—Тунисъ-Алжиръ-Бужи-Константина-Бискара (оазисъ въ Сахарѣ, самый южный пунктъ поѣздки)—Батна-Филиппвиль-Тунисъ—переправа моремъ въ Неаполь—Римъ-Флоренція-Пиза-Генуя-Монако-Ницца-Мар-